

Рецензируемая монография посвящена многоаспектному анализу проблемы, которая до настоящего времени не была объектом пристального внимания дагестановедов, хотя, конечно, нельзя не отметить нескольких попыток выявления результатов контактирования грузинского и некоторых дагестанских языков, в т. ч. цезских, удинского, цахурского и нек. др. В силу этого несмотря на то, что в известном смысле исследование М.Ш. Халилова относится к достаточно популярному жанру контактологических изысканий, предпочтение в этой области отдавалось выявлению и анализу тюркизмов, арабизмов, иранизмов и, наконец, русизмов. В подобных условиях исследование, предпринимаемое для более эксплицитного описания тех результатов грузинско-дагестанских языковых контактов, которые до сих пор не получили целостной адекватной характеристики, а лишь констатировались на уровне разрозненных материалов, представляется нам весьма актуальным.

Немаловажным оказывается и то обстоятельство, что современные тенденции возрождения национальной культуры и языка в ряде случаев сопровождаются стремлением “испра-

вить” историю, опираясь на один-два лексических примера, в связи с чем все больше ощущается необходимость в беспристрастных, основывающихся на достаточно широких материальных свидетельствах научных выводах. Рецензируемая монография является в этом плане весьма информативным и инструктивным трудом, в которой собранный автором лексический материал во многом имеет самостоятельное научное значение. С другой стороны, сама процедура их научного анализа, включающая экстралингвистическое обоснование возможности заимствования, дополняющее целый комплекс собственно лингвистических критериев, а также выявление закономерностей усвоения заимствований с точки зрения фонетики, морфологии и семантики, дает право говорить о полноценных научных результатах проведенного М.Ш. Халиловым исследования. Это же делает рецензируемую работу заслуживающей внимания и в общетеоретическом аспекте, поскольку она опирается на современные идеи о кавказском языковом союзе, на конкретные достижения в области этимологии (в частности, на концепции

Г.А. Климова, В.И. Абаева и других авторитетов в этой области).

Структура монографии определяется многоаспектностью проведенного исследования, потребовавшего изложения его результатов в семи главах и приложениях (“Дагестанские грузинизмы” и “Грузинизмы в языках Кавказа”). Введение в сжатой форме вводит читателя в проблематику работы, ее цели и задачи, методику анализа, теоретические и практические выводы. Здесь же дан довольно исчерпывающий обзор имеющейся в исследуемой области литературы, в котором прослеживается стремление автора не упустить сколько-нибудь важной для раскрытия существа вопроса публикации.

Первая глава (“Из истории грузинско-дагестанских взаимоотношений”) знакомит читателя с культурно-историческим фоном грузинско-дагестанских языковых контактов.

Вторую главу (“Из истории изучения языковых контактов на Кавказе”) составляет анализ в первую очередь того направления в сфере изучения языковых контактов, которое можно охарактеризовать известным термином “ареальная лингвистика”. Автор констатирует ощутимые успехи в исследовании внешних контактов картвельских языков, как правило, выражающиеся в установлении лексических проникновений, датируемых разными периодами. Здесь мы находим характеристику состояния изученности картвельско-иранских, армянско-картвельских, азербайджанско-грузинских, картвельско-абхазско-адыгских и нахско-грузинских контактов. На таком широком фоне становится более отчетливой необходимость уточнения характера грузинско-дагестанского лингвистического взаимодействия, выяснения его роли и места в общей картине межкавказских языковых контактов. Последнее понятие, кстати, не всегда однозначно толкуемое в специальной литературе, также находит в данной главе приемлемую интерпретацию.

В третьей главе (“Общая характеристика грузинско-дагестанских языковых контактов”) ставится проблема соотношения генетических и ареальных связей кавказских языков. Думается, что автор в целом верно подходит к ее решению, полагая что решение вопроса о генетическом родстве картвельских и дагестанских языков не снимает с повестки дня вопроса об их ареальных взаимоотношениях. Основным научным достижением данной главы является четкая формулировка о наличии четырех контактных зон с участием картвельских языков, каждая из которых характеризовалась своими особенностями и интенсивностью взаимодействия. Что касается дагестанских языков, то здесь

выделяются две контактные зоны: аварско-цезский и южнолезгинский ареалы.

Наиболее значительной в монографии является третья глава “Классификация грузинских лексических элементов в дагестанских языках”. Здесь не просто собран лексический материал цезских, аварского и некоторых лезгинских языков (удинского, в меньшей степени цахурского), не только дана его лексико-тематическая классификация, но также дается конкретное экстралингвистическое обоснование для каждой лексико-тематической группы и приводятся соответствующие параллели из других контактировавших с картвельскими языков. Это, безусловно, повышает надежность предлагаемых интерпретаций в целом. Тщательность проработки лексического материала проявляется и в его паспортизации вплоть до конкретного говора. В результате нельзя не согласиться с выводом автора о том, что по своему удельному весу среди заимствований значительное место занимает предметная номенклатура, терминология животного и растительного мира, а также общественно-политические термины.

Уже одно это представляет собой достаточный объемный труд, заслуживающий соответствующего официального признания. Однако автор не ограничивается лексико-тематической классификацией и проводит также структурно-грамматическую классификацию и хронологическую стратификацию выявленных лексем. В этих разделах мы находим не только обобщающие характеристики, но и фактические наблюдения, сделанные в ходе анализа конкретных лексических единиц. При этом автор демонстрирует умение выделять из целого ряда параметров наиболее существенные, способные давать информацию, не видимую “невооруженным глазом”. Так, при определении периодов проникновения рассматриваемых лексических единиц в дагестанские языки автор достаточно корректно использует показания фонетического уровня, ср., например, наличие ауслаутного *-й* в дагестанских грузинизмах, что указывает на их древнегрузинский источник. Ряд примеров такого рода можно легко продолжить.

Наибольший интерес в пятой главе работы (“Лексико-грамматическое освоение грузинских лексических элементов”), на наш взгляд, вызывает обращение автора к тем фонологическим структурам грузинского и дагестанских языков, которые обнаруживают определенное различие, что вызывает необходимость предположения соответствующих фонетических процессов. Несколько сложнее обстоит дело с теми процессами, которые, на первый взгляд, не имеют структурной обусловленности. Тем не менее, и здесь М.Ш. Халилову уда-

лось подметить несколько существенных закономерностей, пополнявших список конкретных научных результатов его исследования.

В области морфологии несколько разочаровывает отсутствие закономерностей в распределении имен по классам, однако отрадно заметить и отсутствие стремления у автора подогнать имеющийся материал под априорные схемы. Заслуживающими внимания в рецензируемой работе можно считать и примеры семантического освоения грузинизмов, которые, впрочем, также с трудом поддаются рубрикации, поэтому автору приходится пользоваться традиционной схемой, дифференцирующей полное и частичное изменение значения, расширение и сужение значения.

Шестая глава ("Фонетико-морфологическое влияние грузинского языка на некоторые дагестанские языки") представляется наиболее поисковой и в связи с этим наиболее дискуссионной, хотя желание автора высказать нетрадиционную точку зрения можно только приветствовать. С другой стороны, среди тех фонетических и морфологических явлений в рассматриваемых языках, которые интерпретируются автором как обусловленные грузинским влиянием, я не обнаружил слишком фантастичных предположений: каждое, хотя и с известной долей скептицизма, может быть принято.

В седьмой главе ("Дагестанские лексические элементы в грузинском языке") автор, не будучи картвелистом, вполне справедливо не столько предлагает собственный материал, сколько обобщает накопленный в специальных работах. Все же и здесь находят свое место собственные этимологические находки автора, представляющиеся нам вполне убедительными.

Оценивая рецензируемую работу в целом, следует отметить, что она выполнена достаточно тщательно, с привлечением значительного лексического материала, потребовавшего проработать не один десяток словарей различного типа как по грузинскому, так и по дагестанским языкам: толковых, двуязычных, этимологических, диалектных. Поскольку ареальная лингвистика в дагестанском языкознании не имеет пока широкого распространения, монография М.Ш. Халилова может служить в известном смысле стимулом для последующих изысканий в этой области. Этому могут способствовать и адекватно отражающие содержание монографии публикации и автореферат монографии, написанные хорошим научным языком с использованием соответствующей научной терминологии.

Конечно, наряду с отмеченными выше научными достижениями, как и во всякой рабо-

те, поднимающей и решающей весьма сложные проблемы, в рецензируемом труде имеются моменты, вызывающие возражения. При этом хочется подчеркнуть, что они касаются не теоретической концепции автора, не используемых им методов и критериев доказательства и т.п., а отдельных конкретных этимологических решений.

Трудно согласиться, в частности, с квалификацией в качестве грузинизмов следующих лексем:

– сомнительным представляется семантический переход "кошка" > "куцехвостая" (бежт. *klamla*, стр. 80). Здесь следовало бы учесть наличие сходной лексемы с данным значением в других дагестанских языках, не демонстрирующей фонетической близости к грузинскому слову, ср. авар. *хъанда*, лезг. *къантла* и т.п. В лучшем случае, на наш взгляд, здесь можно говорить о контаминации;

– *къути* "ящик, коробка" (стр. 97). Здесь, видимо, автора ввело в заблуждение ауслаутное *-и*, особенно в сопоставлении с азерб. *кьуту*. Однако данная лексема имеет иранское происхождение, ср. перс. *кьути* (в этом значении и в аналогичной форме слово встречается и в других языках за пределами кавказского региона);

– удин. *пайрдаъ* "занавес(ка)", *джаъраъ* "прялка" (см. стр. 92, 94) по своему фонетическому облику ближе к азербайджанскому, нежели чем к грузинскому; это же можно сказать об удин. *бибик* "гребень (петух)", ср. азерб. *пипик* при груз. *бибило* (стр. 82).

Наиболее спорно, конечно, предположение автора о заимствовании некоторых грамматических показателей, в частности показателя мн. числа *-би* и его вариантов (стр. 215), наст. времени на *-с* (стр. 223). На наш взгляд, в обоих случаях имеет место нередкое для многих языков совпадение. Свою трактовку происхождения данных аффиксов мы дали в монографии [Алексеев 1988: 161, 183].

В ряде случаев автор ограничивает круг этимологически тождественных лексем теми языками, для которых можно признать грузинское происхождение этих лексем. Однако более широкое их распространение в других дагестанских языках может свидетельствовать о том, что и приводимые в монографии изоглоссы имеют не грузинский, а иной источник. Так, бежт., гунз., цах. *бали*, цез. *балли* квалифицируются как грузинизмы и исключаются из ряда с авар. *багъли* и т.п. Между тем фарингализация *al* в цезском здесь лучше объясняется, если принять за исходный аварский вариант, а не постулировать процесс груз. *a* > цез. *al* (стр. 87).

На наш взгляд, можно было бы расширить число возможных грузинизмов, например, за счет арч. *кlob* “платье, одежда” < груз. *клаба*, что представляет особый интерес, поскольку арчинские грузинизмы в рецензируемой работе не фиксируются; лексема “пила” отмечена также в рут. *гирдабил* и арч. *гардабил* (стр. 94).

Иногда автор слишком прямолинейно трактует процессы, происходившие в языках-рецепторах. Например, вывод М.Ш. Халилова о закрытом типе слога в цахурском, подтверждаемый примерами груз. *бирдабири* “пила” > цах. *гардабил*, груз. *балгъами* “гной” > цах. *балгъам* и др. (стр. 148), не согласуется с известными из специальной литературы данными. Напомним, в частности, следующее высказывание Г.Х. Ибрагимова, где прямо говорится о тенденции к открытости слога в цахурском: «... в результате действия закона “стремление к открытости слога” (в одних случаях отпадение конечных сонантов, в других – развитие гласного) в цахурском языке идет процесс уве-

личения числа двусложных слов, состоящих из открытых слогов» [Ибрагимов 1968: 97]. По-видимому, можно было бы предложить в приведенных примерах иную интерпретацию, а именно заимствование не форм именительного падежа, а основ без окончания номинатива -и.

Отмеченные выше недостатки, которые, возможно, неизбежны в исследовании подобного масштаба и свидетельствуют больше об объективной сложности самого предмета исследования, не влияют на общую высокую оценку монографии, вносящей несомненный вклад в отечественное кавказоведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев 1988 – М.Е. Алексеев. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М., 1988.
Ибрагимов 1968 – Г.Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка. Махачкала, 1968.

М.Е. Алексеев